

Иль Хариф

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ульяна Соболева

18+

Ульяна Соболева

Иль Хариф

«Автор»

2026

Соболева У.

Иль Хариф / У. Соболева — «Автор», 2026

Я хотела никогда его больше не видеть. Я хотела забыть о нем и вырвать из своего сердца всю боль, что он причинил мне вместе с дикой любовью к моему палачу. Но судьба смеется над принятыми решениями, судьба скалится как дикий зверь, сталкивая меня снова с тем, кто растоптал меня и разломал мое сердце на мелкие осколки

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ульяна Соболева

Иль Хариф

ИЛЬ ХАРИФ. ПЕРЕД ОСЕНЬЮ

Страсть Эмира

Ульяна Соболева

Аннотация

Я хотела никогда его больше не видеть. Я хотела забыть о нем и вырвать из своего сердца всю боль, что он причинил мне вместе с дикой любовью к моему палачу. Но судьба смеется над принятыми решениями, судьба скалится как дикий зверь, сталкивая меня снова с тем, кто растоптал меня и разломал мое сердце на мелкие осколки...

Глава 1

Я чувствовала неладное. Мир казался размытым, будто я смотрела на него сквозь воду. Меня тошнило, как будто я всю ночь прокрутилась на карусели. Я решила, что это просто усталость или нервное переутомление, но с каждым днем становилось только хуже. Наконец, не выдержав, я пошла в клинику.

Сидя на холодной кожаной скамейке в ожидании результатов анализов, я старалась думать о чем-то нейтральном. О погоде за окном, о капельках дождя, медленно стекающих по стеклу. Но когда медсестра вызвала меня, моё сердце замерло, а руки стали ледяными.

– Поздравляю, вы беременны, — её слова звучали далеко и нереально. Я не могла поверить. Это не могло быть правдой. Не сейчас. Как? Почему? Миллион вопросов хаотично кружились в моей голове, и ни на один у меня не было ответа.

Я встала, поблагодарила медсестру, но собственный голос казался мне чужим. Мои ноги автоматически понесли меня на улицу. Шок. Неверие. Страх. Как я могу быть беременной? Все планы, все мечты, вся моя жизнь — все вдруг перевернулось. Только устроилась на работу. Только все начало налаживаться.

Я стояла под дождем, позволяя холодным каплям смывать слезы, которые незаметно начали катиться по моим щекам. Беременность — это чудо, но почему же я чувствовала себя так, будто это приговор? Мои руки автоматически легли на живот. Там, внутри росла новая жизнь, которая теперь зависела от меня. Я должна была решить, что делать дальше. Но сначала — я должна была принять тот факт, что в моей жизни снова будет ребенок. Возможно, это был шанс исправить прошлые ошибки. Все, что я знала точно — моя жизнь больше никогда не будет прежней. словно в тумане я добралась на работу, собственные мысли о беременности отгораживали меня от реального мира. Встреча с Оксаной казалась мне очередным рутинным моментом, пока мы не сели за столик в уголке нашего небольшого офисного кафе.

Оксана заказала для нас два капучино, ее улыбка была теплой и ободряющей.

– Ты выглядишь бледной сегодня, что-то случилось? — начала она, присматриваясь ко мне с любопытством.

Я колебалась, взвешивая слова. Но честность победила, и я, наконец, призналась:

– Я беременна. Отец ребенка не знает и не узнает... Не хочу, чтоб узнал.

Оксана на мгновение замерла, потом ее лицо озарила улыбка.

– Понятно... Уже решила, что будешь делать?

– Пока нет... Пока не знаю. Боже, я вообще не знаю, как мне быть...

Слова лились из меня сами собой, я говорила о страхе потерять работу, о том, как новость о беременности может повлиять на моё положение в компании. Оксана слушала внимательно, кивая в знак понимания и сочувствия.

– Вика, у тебя еще есть время. По закону ты вправе не сообщать о беременности работодателю на ранних сроках, — ее голос был уверенным и спокойным. – Ты ценный сотрудник, твои навыки перевода высоко ценятся. Не беспокойся насчет работы. Ты можешь рассчитывать на меня. Я здесь, чтобы тебе помочь. Мы что-то придумаем...

– Не знаю. Я не знаю, хочу ли я вообще этого ребенка.

– Пока что есть время, чтобы решить. У тебя хорошая высокооплачиваемая работа, моя тетя помогает тебе, у тебя есть я. Так что ты совсем не одна.

Слова Оксаны наполнили меня новой надеждой. Возможно, не все было так уж плохо. Несмотря на все свои опасения, я почувствовала, что это бремя стало чуть легче нести. Оксана улыбнулась мне, и я отвечала ей улыбкой в ответ, чувствуя себя хоть немного увереннее в будущем. А еще была благодарна, что расспросов много не было, как и осуждения.

Когда я вернулась к своему рабочему столу, я заметила, что Мухаммад аль Зааби, наш элегантно одетый босс, что-то искал в своем офисе, но едва он заметил меня, как его взгляд тут же был устремлен в мою сторону. Он всегда держал себя с достоинством, суверенно руководя бизнесом, его властный взгляд и легкая улыбка придавали ему особую харизму. Он часто обращался ко мне, не обделял своим вниманием. Каждый раз, когда Мухаммад аль Зааби входил в офис, воздух словно заряжался напряжением и ожиданием. Его репутация предшествовала ему; он был не только боссом, но и арабским бизнесменом, чей благородный профиль и уверенное поведение заставляли женские сердца биться чаще. Его темные глаза всегда искрились умом и силой, а каждое его слово казалось взвешенным и полным смысла. Несмотря на его властность, он был вежлив с персоналом, и когда его взгляд останавливался на мне, моё сердце делало опасный прыжок. Нет, он мне не нравился...но, как любая женщина, я чувствовала, что я нравлюсь ему. И это очень настораживало.

– Доброе утро, Вика, — его голос был мягким, когда он обращался ко мне, в его тоне чувствовалась легкая нотка интереса. – Твои переводы впечатляют. Видно, что ты вкладываешь душу в работу.

Его комплименты всегда звучали искренне, что делало их особенно приятными. Однажды, когда я работала допоздна, Мухаммад застал меня одну и предложил проводить домой.

– Это небезопасно для женщины – возвращаться домой в одиночестве так поздно, — сказал он, и, хотя я могла отказаться, я согласилась, чувствуя в его заботе что-то большее, чем просто обязанности работодателя.

Иногда он приглашал меня на обед, выбирая тихие уголки нашего офисного кафетерия, где мы могли поговорить о жизни за пределами работы. Его вопросы были ненавязчивы, а взгляды — задумчивы, как будто он пытался прочесть меня, понять глубже, чем позволяла обычная рабочая взаимосвязь.

– Ты знаешь, Вика, тебе стоит посетить мою родину. Твои знания языка и культуры впечатляют.

Нет, посетить его родину у меня желания больше не было. Как и отвечать взаимностью на заигрывания. Но я очень дорожила своей работой. Старалась быть учтивой, приятной, не обидеть.

В этот раз Мухаммад снова обратился ко мне.

– Вика, — его голос был глубоким и очень приятным, когда он окликнул меня. Я поднялась и подошла к нему, чувствуя, как мое сердце начинает биться чаще.

– Ты выполнила прекрасную работу с последним проектом. Мне приятно видеть такое старание и умение.

Его комплименты не переходили границ, они были яркими, но не слишком интимными. Он спросил меня о моих впечатлениях от работы, и в нашем разговоре было что-то такое, что заставило меня почувствовать себя ценной и уважаемой. Мухаммад умел создать такое впечатление.

Я знала, что он женат, но живет здесь совершенно один. Его жена осталась на его родине.

– Если не против, я бы хотел пригласить тебя сегодня снова пообедать вместе. Есть ресторан недалеко отсюда, который, я уверен, тебе понравится.

Я колебалась, мне не хотелось казаться легкодоступной, но я и не желала обидеть босса. Его намерения казались искренними, и я подумала, что, может быть, это просто дружеский жест. Хотя прекрасно всей своей интуицией чувствовала, что здесь далеко не только дружба.

– Я благодарю вас за предложение, Мухаммад. Это очень любезно с вашей стороны. Я буду рада пообедать вместе, — ответила я, стараясь скрыть волнение.

На обеде Мухаммад был идеальным джентльменом, рассказывая мне о своих путешествиях и проектах. Его внимание было лестным, но я понимала, что между нами слишком много различий, чтобы это могло перерасти во что-то большее.

Между нами вообще очень много всего. Ахмад, Саша и моя беременность. А еще его жена. В течение трапезы я заметила, что его заигрывания становились более заметными: иногда он слегка касался моей руки, говоря что-то особенно важное, или дарил мне неожиданные комплименты, касающиеся не только моей работы, но и внешности.

– Вика, я невероятно рад, что ты теперь работаешь с нами.

– Я тоже очень рада с вами работать.

В глубине души я знала, что моя новость о беременности, которой я все еще не могла поделиться, изменит все. Мне нужно было держать дистанцию, сохранять профессионализм и не позволять личной жизни пересекаться с работой. Но одновременно мне приятно было чувствовать себя желанной. Была в этом какая-то тихая месть Ахмаду, который называл меня шлюхой и не поверил в свое отцовство... Об этом ребенке он вообще не узнает. Не скажу... зачем снова слушать обвинения во лжи.

По возвращению домой после обеда с Мухаммадом, я почувствовала облегчение, как только закрыла за собой дверь. Дома всегда было спокойно и безопасно, тут я была просто Вика, а не переводчица, не объект внимания босса, не женщина с таинственным прошлым.

Саша встретил меня своим радостным гулением, как только я подошла к его кровати.

– Привет, малыш, — приветствовала я его, осторожно поднимая на руки. — У меня для тебя большие новости. — хоть он и не мог понять моих слов, я чувствовала, что должна поделиться с ним этим секретом. Его маленькие ручки потянулись ко мне, и его глаза светились беспечной радостью. — У тебя будет братик или сестричка, — прошептала я, когда он прижался щекой к моей груди. — И я буду любить вас обоих больше жизни, вы оба мои маленькие жизни, мой воздух и мое счастье.

Его непонимающий взгляд был полон доверия, и я чувствовала, как мое сердце переполняется любовью к этому маленькому созданию, которое уже стало частью меня.

Мы провели весь вечер вместе, играя, смеясь и наслаждаясь простыми домашними радостями. Я кормила его, купала, а потом мы читали книжки — хоть он и не понимал слов, его внимание было приковано к картинкам.

Позже, уложив Сашу спать, я села рядом и наблюдала за его спокойным дыханием. В этот момент я обещала ему, что буду самой лучшей мамой для него и для ребенка, который только начал свою жизнь в моей утробе. Я обещала сделать их счастливыми и защитить от всех бурь этого мира. И хотя будущее казалось туманным и полным неизвестности, одно я знала точно — моя любовь к этим двум маленьким крошкам была безграничной.

Сидя в тишине комнаты, я ловила себя на том, что моя рука невольно лежит на животе. С каждым днем он будет расти, напоминая о маленькой жизни, что зарождается внутри меня. Я пыталась представить, как все изменится: будни, мои планы, мои мечты. Двое детей... Как буду справляться?

Беременность... Она была непредвиденной, неожиданной, но теперь это было частью моей реальности. Возможно, я и могла бы считать её даром, подарком судьбы, если бы не тени прошлого, которые так жестоко напоминали о себе.

Мои отношения с Ахмадом были разорваны. У меня больше не осталось надежды, не осталось ничего кроме боли. Что он скажет, узнав о беременности? Понимаю, что мне следует держать это в секрете как можно дольше, но ложь и тайны — это та тропа, по которой я уже прошла, и результаты были разрушительными. Но разве правда потом принесла облегчение? Ахмад не заслужил знать о ребенке. Ему вот-вот родит Алена. Сына. И он будет любить его и не усомнится в отцовстве. Ведь шлюха у него именно я.

Я боролась со страхом. Страхом будущего, которое казалось таким тяжелым и одиноким. Страхом за моих детей — как я обеспечу им всё необходимое? Страхом перед неизвестностью — как изменится моя жизнь теперь, когда я стою на пороге материнства во второй раз, в одиночку?

В глубине души я знала, что мне нужно собраться с силами, что я должна быть сильной — для Саши, для нерожденного малыша, для себя. Я не могла позволить обстоятельствам победить меня. Но как часто мы бываем уверены в своих силах, когда встречаемся лицом к лицу со своими самыми глубокими страхами?

Вдыхая запах ванильных свечей, которые я зажгла для уюта, я смотрела на Сашу, его глаза уже начинали смыкаться от сна. Я мягко погладила его по голове, в то время как мысли в моем уме судорожно искали выход из лабиринта страхов и неизвестности.

«Я сохраню малыша» — тихо прошептала я, подтверждая свое твердое решение перед лицом ночной тишины. Мой выбор был сделан. Не для мира, не для Ахмада, не даже для Саши — а для себя. Я чувствовала глубокое, непоколебимое желание защитить эту новую жизнь во мне, любой ценой.

Легкий ветерок, проникший в комнату из приоткрытого окна, обдал меня свежестью. Спокойно вздыхая, я встала, переложив Сашу в его кроватку. Его дыхание было ровным, уверенным, как будто он тоже знал, что его мама сделает все правильно.

— Как я скажу об этом Вере Ивановне? А на работе? А Мухаммаду? — вопрос за вопросом вертелся в моем сознании, как карусель. Мамы уже не было рядом, чтобы дать совет или просто обнять. Вера Ивановна... Она была как мама, но эта новость... я пока не готова рассказать. А Оксана? Она была моей поддержкой в этом новом мире, она обещала мне молчать.

Я должна была продумать каждый шаг. Завтра я начну с малого — пройду дополнительные обследования, займусь изучением вопросов, связанных с беременностью, поиском информации о помощи для одиноких матерей.

Встав у окна, я посмотрела на ночное небо.

Саша вздохнул во сне, и я улыбнулась ему. "Твоя мама здесь, малыш. Мы будем вместе. И все будет хорошо."

В эти длинные ночи, наполненные тихими размышлениями, я искала ответы и силы противостоять будущему. И каждое утро, просыпаясь и видя улыбку Саши, я напоминала себе: "Ты должна идти дальше. Для них. И для себя."

Глава 2

В середине ночи тишина в доме была внезапно нарушена. Аят в ужасе проснулась от кошмара, она вскочила на постели. Её сердце бешено колотилось, словно пытаясь вырваться наружу, а холодный пот покрыл её лоб, оставляя ощущение ледяной дрожи на коже. В её руках, сжимающих простыни, тоже была заметна дрожь — дрожь страха, который она только что пережила в своем сне.

Она лежала в вечной кромешной тьме, стараясь ориентироваться в пространстве, где её зрение не могло ей помочь. Она знала наизусть, что именно окружает ее. Где окно, где дверь, где тумбочки, стол, шкаф и стены. Но сейчас потеряла ориентир в пространстве. Ей было страшно.

— Папа! — её голос прорвал тишину, заставив саму девочку вздрогнуть. Крик был полон отчаяния, мольбы о помощи. Мольбы вытащить ее из липких щупалец страха, из этой адской хватки, которая мешала ей сделать вдох.

Её руки тянулись вперед, пытаясь найти что-то знакомое, что могло бы вернуть её в реальность, подтвердить, что кошмар закончился и она в безопасности. Но даже воздух казался ей враждебным, наполненным той же страшной энергией, что и её сон.

— Папа, папочка, пожалуйста! — её голос стал еще громче, настойчивее. Она кричала, и слезы катились по ее щекам, а хрупкое тельце содрогалось от страданий и ужаса.

Едва услышав крики Аят, мое сердце замерло. Я вскочил с кровати.

— Аят! — мой голос разрезал ночную тишину, когда я бросился через коридор к ее комнате. Мое единственное сокровище, моя девочка, моя родная. От одной мысли, что могу потерять и ее, меня швыряло в холодный пот. Дверь была приоткрыта, и я ворвался внутрь, нащупывая выключатель. Свет наполнил комнату, обнажая мой страх и незащищенность моей дочери. Аят сидела на кровати, сжимая простыни в руках, вся дрожа, глаза ее были расширены от ужаса. Ее красивые, нежные, слепые карие глаза. Если бы я мог вырвать свои и отдать ей, я бы так и сделал.

— Папа... — ее голос дрожал так же, как и ее руки. Я мгновенно оказался рядом, обнял ее, прижимая к себе, поглаживая курчавые волосики.

— Все в порядке, моя сладкая, я здесь, — шептал я ей, поглаживая по спине, стараясь успокоить ее и себя. Испугался сам, не знаю почему, аж холодным потом прошибло.

Мое сердце разрывалось от боли при виде ее страдания.

— Что случилось, Аят? Расскажи мне, — попытался я мягко выведать причину ее ужаса, даже не представляя, как глубоко запечатлелся в ее душе этот кошмар. Она вся была бледной, вспотевшей, дрожащей. Аят прижалась ко мне еще крепче, ее голос был еле слышен: "Мне приснилась сестра... Она говорила, что я поступаю плохо и что-то скрываю." Ее слова заставили меня замереть. Что это могло значить? Какой секрет могла скрывать моя маленькая Аят?

— Все будет хорошо, это просто сон, он уже закончился, и я рядом. Ты хочешь, чтобы я остался с тобой? — спросил я, готовый провести всю ночь здесь, лишь бы она чувствовала себя в безопасности. Аят кивнула, и я устроился рядом с ней, держа ее за руку, пока она снова не погрузилась в сон. Я же лежал без сна, размышляя о ее словах и о том, что они могли значить. Ночь была долгой, и в моем сердце поселилась тревога за мою дочь и за секреты, которые она могла скрывать. Потому что до сих пор никто точно не знал, как умерла моя вторая дочь... кто действительно ее убил. И только Аят могла рассказать правду. Я до боли в суставах хотел, чтобы Вика оказалась непричастной к этому. Я молил Аллаха оградить меня от этого окончательного разрушения, когда мои внутренности взорвутся от боли и разочарования.

Просидев у кровати дочери до рассвета, я наблюдал, как первые лучи солнца проникают в комнату, освещая лицо спящей Аят. Когда она медленно проснулась, её взгляд был спокойнее, но все еще немного перепуганный.

– Папа, ты все еще здесь... — её голос был слабым, но в нем звучала благодарность. Она знала, что я рядом. Моя девочка чувствовала меня. Когда Всевышний что-то забирает, он обязательно дает взамен много больше.

– Конечно, дорогая. Я всегда буду рядом, когда ты меня позовешь, — ответил я, улыбаясь ей.

Она села, обхватив колени руками, и смотрела куда-то сквозь меня, словно пыталась собрать мысли воедино.

– Папа, мне снова приснилась сестра... Это было так реально, — начала она, и я ощутил, как моя собственная тревога вновь поднимается во мне.

– Что она тебе сказала, Аят? — осторожно спросил я, боясь узнать ответ. Аят глубоко вздохнула, прежде чем продолжить:

– Она сказала, что я поступаю плохо... что я что-то скрываю от всех. Папа, это неправда, я ничего не скрываю, — её голос дрожал, и слезы покатались по ее бледным щекам. — Я не помню. Та страшная ночь словно стерлась из моей памяти.

Я обнял её крепче, стараясь передать ей всю свою любовь и поддержку.

– Малышка, это был всего лишь сон. Ты самый честный и добрый человек, которого я знаю. Твоя сестра любила тебя очень сильно, и я уверен, что она бы никогда не хотела тебя расстроить.

– Но почему она сказала так? Почему мне это снится? — её голос был полон страха и смущения.

– Может быть, это просто твои собственные страхи, которые нашли выход в твоём сне. Мы все иногда чего-то боимся, Аят. Главное, помнить, что ты не одна, и мы все здесь, чтобы тебя поддержать, — пытался я её успокоить, хотя сам чувствовал, как беспокойство пульсирует в моем сердце. Мы приближались туда, куда я боялся приблизиться, и врач говорил мне, что рано или поздно Аят заговорит о той ночи.

– Может, мне стоит поговорить с кем-то... Как насчет гипнотерапевта, о котором ты говорил? — неожиданно предложила она, взгляд её был полон надежды. Я кивнул, понимая, что ей может понадобиться помощь, чтобы разобраться со своими кошмарами и страхами.

– Если ты думаешь, что это поможет, мы обязательно это сделаем. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе стало лучше, — сказал я, обещая себе найти для неё лучшего специалиста.

Согласие с предложением Аят отправиться к гипнотерапевту стало для меня как обещание новой надежды. Мои мысли кружились вокруг того, как помочь дочери... а еще как узнать правду, которой я и боялся, и хотел дорваться до истины.

Я провел день, исследуя и обзванивая специалистов, стремясь найти кого-то, кто имел опыт работы с подобными случаями, кто мог бы помочь Аят. Каждый звонок был для меня как шаг в неизвестность, но я был готов пройти этот путь ради моей дочери. И ради себя. Наконец, я нашел доктора Салиму, которая специализировалась на гипнотерапии и имела отличные рекомендации. Ее голос звучал успокаивающе даже по телефону, когда мы договорились о встрече. Она пообещала подойти к случаю Аят с максимальным вниманием и заботой.

Я сказал Аят о докторе Салиме, и она казалась ободренной этой новостью.

– Может быть, она сможет помочь мне понять, почему мне снится сестра и что это значит, — сказала она с надеждой в голосе. — а еще... папа, я очень хочу вспомнить, что тогда было. Кто убил Асию. Кто лишил меня части моей души. Я так скучаю по ней!

– Я тоже скучаю по ней, моя девочка.

– Почему Аллах забирает всех, кого я люблю? Асию, Вику, Алену... Никого не осталось.

– Вика жива..., – тихо сказал я.

– Но она как будто умерла. Ты оплакиваешь ее, папа. Я чувствую, я знаю. Вики больше нет с нами, и я... я так хотела бы снова говорить с ней, слушать ее сказки. Я знаю, что она была в этом доме.

– Как знаешь?

– Знаю... я все знаю. Я чувствую. Вика была здесь. В комнатах пахло ею. Она по-особенному пахнет. Не так, как другие. Алена была похожа...но все же это не Вика.

Дни до встречи оказались наполненными ожиданием. Я заботился о том, чтобы Аят чувствовала себя как можно комфортнее и увереннее перед сеансом гипноза. Мы говорили о том, как это будет происходить, стараясь подготовить ее и избавить от возможных страхов. Я хотел, чтобы она знала, что независимо от того, что произойдет во время сеанса, я буду рядом, готов поддержать ее.

На пороге кабинета доктора Салимы я взял Аят за руку, пытаясь передать ей свою веру и силу.

– Мы это сделаем вместе, Аят. И найдем ответы, которые ты ищешь, — сказал я, и мы переступили порог, готовые столкнуться с прошлым и, возможно, найти путь к исцелению.

Аят держала меня за руку крепче, чем обычно, и я чувствовал, как волнение переплетается с ее надеждами. Мы оба искали в этой встрече ответы, которые могли бы осветить темные уголки прошлого и принести облегчение. Я жаждал хотя бы немного вырваться из мрака, разорвать эту пелену черноты. Я словно сам ослеп, как и моя девочка. Вокруг меня стало темно.

Мои собственные мысли выворачивали мне мозги. От надежды до страха. Страх не только за Аят и то, что она может раскрыть о той ночи, но и о Вике. Мне было страшно услышать имя Вики...страшно узнать, что она была причастна. Б*ядь! Я этого не переживу. Не смогу пережить. Что угодно, только не это.

Мы зашли в уютный кабинет доктора Салимы, где нас встретила красивая женщина лет сорока с теплой улыбкой.

– Аят, господин Ибн Бей, я рада вас видеть. Давайте попробуем вместе разобраться в ваших переживаниях, — ее голос звучал уверенно и успокаивающе.

Аят села напротив доктора, и я занял место немного в стороне, оставаясь в досягаемости для дочери, чтобы она чувствовала мою поддержку. Доктор Салима начала разговор, мягко ведя Аят через вопросы о ее переживаниях, о том, что она чувствует и о чем думает.

Когда приближался момент начала сеанса гипноза, мое сердце бешено колотилось от волнения. Я наблюдал за Аят, как она расслабляется под внимательным руководством доктора, и мои мысли невольно уносились к Вике. Что, если в глубинах сознания Аят скрыты воспоминания, указывающие на ее вину? Могла ли она действительно причинить боль моей дочери, убить Асию? Эта мысль была невыносима, и я чувствовал, как страх сковывает меня изнутри. Как я весь покрываюсь бусинками пота. Снова и снова думая об этом. Я молился. Я просил Всевышнего не дать мне настолько сломаться.

Я старался сосредоточиться на дыхании, напоминая себе, что причина всего этого — помочь Аят, а не искать виновных. Моя задача, как отца — поддерживать и любить свою дочь, независимо от того, что может быть раскрыто. Но для меня было важно, невыносимо важно узнать, что ОНА не виновата. Жизненно необходимо. Как воздух.

Глава 3

Доктор Салима начала говорить мягким, успокаивающим голосом, медленно ведя Аят сквозь процесс расслабления. "Дыши глубоко, Аят... С каждым вдохом ты становишься всё более расслабленной..." ее слова плавно заполняли комнату, создавая атмосферу доверия и безопасности. Я наблюдал, как моя дочь постепенно погружается в состояние гипнотического транса. Ее веки медленно опустились, и она казалась такой спокойной, так далекой от боли и страха, которые я видел в ее глазах столько раз. В глазах моей маленькой Асии я больше ничего не увижу...какая-то мерзкая тварь лишила ее жизни.

Доктор Салима начала аккуратно вести Аят сквозь воспоминания той ночи, той роковой ночи, о которой мы так мало знали, но которая оставила такие глубокие шрамы на душе моей дочери и в моей.

– Вернись к той ночи, Аят... Позволь себе вспомнить, что произошло...

Я затаил дыхание, словно боясь нарушить хрупкую нить, которая соединяла Аят с ее подсознанием. В моем сердце бушевали страх и надежда — страх перед тем, что она может вспомнить, и надежда на то, что эти воспоминания принесут ей и мне облегчение.

Каждое слово доктора Салимы, каждый вопрос были наполнены заботой и профессионализмом. Я чувствовал, как тонкая нить воспоминаний начинает пробуждаться в сознании Аят, приближая нас к разгадке того, что случилось в ту проклятую жуткую ночь.

Сидя в углу кабинета доктора Салимы, я наблюдал за процессом, чувствуя, как напряжение сжимает мне горло. Мое внимание было приковано к Аят, которая под внимательным руководством доктора погружалась в еще более глубокий транс. Видеть ее такой уязвимой и одновременно сильной было для меня настоящим испытанием.

Когда доктор Салима начала аккуратно направлять Аят сквозь туман ее воспоминаний, я ощутил, как каждая клетка моего тела напряглась в ожидании.

– Расскажи мне, что ты видишь, Аят, — ее голос был мягким, но властным, пробуждая глубоко спрятанные воспоминания.

И тогда Аят начала говорить. Ее слова были прерывистыми, смешанными с дыханием и паузами, но то, что она рассказывала, заставило мое сердце остановиться.

– Мы... были у реки... я и моя сестра... но там был кто-то еще.... Женщина...и мужчина.

Ее голос дрожал, но она продолжала говорить, шептать. То хрипеть. Ей было страшно.

– Кто это был, Аят? — терпеливо спрашивала доктор Салима.

– Это была... Лами... Она позвала нас, сказала, что мы пойдем погулять у реки и она что-то важное расскажет нам... о папе, — произнесла Аят, и в тот момент мое существование словно разделилось на до и после. Лами. Не Вика. Все это время я жил с убеждением, что Вика имела отношение к трагедии, но теперь... теперь передо мной открывалась новая глава, переписывающая историю. Мне стало трудно дышать, глотать. Моя дочь продолжала говорить, но ее слова звучали для меня как издали, сквозь пелену шока и неверия. Лами, которая всегда казалась частью семьи, частью нашей жизни. Она убила...Проклятая тварь Лами! Сука, которую я столько времени прощал...которая обводила меня вокруг пальца.

– Что за мужчина там был?

– Не знаю...Он почти ничего не говорил. Я только слышала, как он топил Асию...он топил ее, потом бросился ко мне. Я пыталась убежать, но Лами схватила меня и швырнула. Я больно ударилась... и все... и темнота.

– Как звали мужчину?

– Я не помню...она не звала его по имени. Асия....Асияяяя...она утонула, они утопили Асию...папа...где мой папа?

– Тшшшш, успокойся, Аят. Сейчас мы потихоньку будем выходить обратно.

Сеанс продолжался, но мои мысли вертелись вокруг одного — как я мог так заблуждаться? Какие еще гребаные тайны скрыты от меня?

С каждым словом Аят, всплывающим из глубин ее подсознания, моя уверенность в том, что я знал правду о той ночи, крошилась на моих глазах. Как вихрь, разрушающий все на своем пути, эти откровения переворачивали мое понимание прошлого. Казалось, мою грудную клетку разворотило, и сломанные кости рвали мою плоть на куски. Это было невыносимо. Я задыхался. Даже стакан воды не помог... мое горло полностью пересохло.

Мы вышли из кабинета доктора Салимы, и я вел Аят к машине, чувствуя, как на душе становится все тяжелее и тяжелее. Она шла рядом со мной, держась за мою руку, и в ее глазах я видел столько вопросов, на которые сам не мог найти ответов. По дороге домой Аят тихо спросила:

— Папа, ты найдешь Вику? Она вернется домой?

— Почему ты сказала Аллаена, когда пришла в себя? Почему?

— Я проклинала Лами... я никогда не называла вику Аллаеной. Папа... где Вика? Она когда-нибудь вернется?

Ее голос был полон надежды и одновременно страха. Она знала, что Вика была важной частью нашей жизни, и теперь, когда ее невиновность становилась все более очевидной, желание видеть ее снова казалось таким естественным. Для нее... Но пока еще не для меня. Да... одно обвинение снято. Самое страшное из всех. А что делать с Азимом... с Али... с чужим ребенком?

Но руки женщины, которую я безумно и болезненно люблю не замараны кровью моей дочери.

— Все не так просто, милая, — ответил я, глядя на дорогу, но видя перед собой лишь туман. Казалось, меня всего раздражает на части. Лами мертва... Сука! Я бы убил ее сам снова и снова, вспарывая ее гнилое нутро. — Мир, в котором мы живем, полон непредсказуемости. Я не знаю, где сейчас Вика, и не уверен, что она захочет вернуться.

— А ты бы хотел, чтобы она вернулась?

Да! Я бы хотел... какая-то трусливая, жалкая, ничтожная часть меня. Но переступить через ее измену, через мужиков, которые трахали ее тело. Я никогда не смогу с этим смириться.

— Нет... Вика — это наше прошлое. Наши пути разошлись.

Аят замолчала, уткнувшись лицом в стекло, и я знал, что она погружена в свои размышления, так же, как и я. Мысли о Вике вызывали во мне апокалипсис. Я хотел ее, я жаждал ее, я хотел ощутить ее запах, ее волосы под своими руками, ее кожу, ее плоть своим членом. Я был раздраем между облегчением от ее невиновности и горем от потери. Горем от того, что ничего невозможно вернуть назад. Если бы я тогда вступился за нее, поверил в ее невиновность, она бы не сбежала с этим ублюдком.

Я переверну все в проклятом доме Лами, я там камня на камне не оставлю. Кто этот мужчина? Кто этот сука, который убил мою дочь? Если он жив — то смерть будет для него недостижимой мечтой. Я раздеру его голыми руками, я буду грызть его зубами и отрывать куски его плоти. Я вырву ему сердце.

Дойдя до дома Лами, я остановился на мгновение. Дверь была закрыта. Насрать, ни один замок не скроет от меня правды теперь. Я вышиб ее к чертовой матери, так что щепки разлетелись. Внутри царил полумрак и тишина. Мои шаги эхом отозвались в голых стенах. Родня Лами поторопилась опустошить дом и продать все, что в нем было. Разве что сам дом продать не смогли, потому что он не принадлежал Лами, а был записан на Рамиля и отходил мне в случае его смерти.

Я начал перерывать все в доме. Каждый уголок, каждый ящик, каждая полка были тщательно исследованы мной в поисках малейшего намека или улики. Мои движения были порыв-

вистыми и беспорядочными, но каждый предмет, который я трогал, приближал меня к истине. Книги, личные вещи, даже старые письма – разорвать, выпотрошить, вывернуть наизнанку. Оно лежало все здесь, сваленное на пол. Все то, что оказалось ненужным. Весь ее хлам, вытрусенный из шкафов и комодов. С каждой находкой я чувствовал, как адреналин накачивает волной, но желаемого я так и не находил. В комнатах царил хаос от моих поисков, но я не мог остановиться.

Я уже собирался уходить, когда мой взгляд упал на небольшую книгу, зажатую между старыми альбомами на верхней полке. С трудом дотянувшись, я взял ее в руки и понял – это был дневник. Дневник Лами. Открыв его, я начал вчитываться в строки, написанные ее рукой. С каждой страницей моя тревога росла, а сердце билось все сильнее. "Твою ж мать," – мелькнуло в голове, когда я осознал, что держу ключ к разгадке. Мои пальцы пробежали по обложке, прежде чем я решительно раскрыл первую страницу.

То, что я нашел внутри, заставило мою кровь закипеть. Лами, эта... б*ядская проклятая ведьма, шлюха гребаная... описывала свои встречи с каким-то мужиком, с любовником, в деталях, которые заставили меня реветь от злости и позора. Но это была лишь поверхность. В этих записях скрывались тайны, которые вспарывали медленно мою грудину, погружаясь лезвием правды прямо мне в сердце.

С каждой страницей я углублялся все больше и больше в грязь, в болото. Вот тут-то и вылезла наружу самая вонючая и склизкая подноготная. Самада. Да, Самада стояла за всем этим бардаком. Она манипулировала Лами, как куклой, втягивая ее в свои темные дела. Самада... хотела смерти моих дочерей, своих внучек. Б*ядь! У меня это не укладывалось в голове. Я не верил. Я не хотел в это верить... только на хрена Лами врать в дневнике...

Мои руки дрожали от ярости, от ощущения, что меня режут на куски, страницы шелестели под пальцами.

– Как она посмела? Как посмела... Ааааа! Как посмела? – гроыхало в моей голове. Самада, которую я считал своей второй матерью, частью семьи, оказалась змеей. Ядовитой, опасной тварью. Зачем ей была нужна смерть девочек? Из-за Вики? Потому что они приняли ее? Зачем... Почему? Какого черта?

Не в силах сдержать дрожь в руках, я продолжал читать, а каждое слово, каждое признание Лами о Самаде только подливало масла в огонь. Моя кожа пылала изнутри. Они обе играли со мной, со всей моей жизнью, как с каким-то дешевым фарсом.

Когда я дочитал до конца, мое тело было настолько напряжено, что казалось, сейчас лопнет. Я рванул с места, дневник все еще был в моих руках. "Самада, будь ты проклята, тварь," – прошипел я сквозь стиснутые зубы, направляясь обратно в наш дом, где эта ворона, ведьма делала вид, будто хранит семейный очаг. Этот дом скоро узнает, что такое настоящий гнев Ахмада ибн Бея.

Моё сердце билось, как барабан. Я почувствовал, как во мне просыпается зверь, дремавший всё это время под тяжёлым покровом обмана и лжи. Самада... Как я мог так слепо доверять ей? Как она могла так жестоко играть со мной, с моей семьёй, с нашими жизнями? Убить Асию! Нанять убийц! Заморочить голову шлюхе Ламии!

Я чувствовал, как гнев заполняет каждую клеточку моего тела, как кровь кипит в жилах, желая выплеснуться наружу и смести всё на своём пути. Это ощущение предательства, оно пронзало меня насквозь, оставляя ожоги на душе.

«Как она посмела?» – мой внутренний голос орал так сильно, что я едва не потерял контроль над машиной, мои виски лопались от боли. Скорость росла, словно я пытался убежать от этой горькой правды, но понимал, что никуда не деться. Это была моя жизнь, мой дом, моя семья – БЫЛА! Ее уничтожали! Методично, изнутри! Та, которой я доверял! С каждой милей, приближаясь к дому, я всё больше осознавал, что мне предстоит столкнуться лицом к лицу с Самадой. С тем, кто всколыхнул основы моего мира своими кознями. Старая сука! Я не мог

понять, как она могла так далеко зайти. Были ли её слова о заботе и любви к нашей семье всего лишь частью её жестокой игры? Зачем? Мать вашу, зачем?

Это ведь не все, да? Я хочу знать больше. Я потяну за эту проклятую ниточку. Мне кажется, что я как слепец... шарю руками в темноте и нащупал твой черный силуэт.

Глава 4

Пора кончать с этой игрой. Самида... она думает, что контролирует ситуацию? Наивная. Я покажу ей, как Ахмад ибн Бей берет дело в свои руки.

Сначала – команда. Лучшие из лучших, которым я доверяю. Не те, кто давно прислуживает в доме и подвластен Самиде, а те, кто умеет делать свою работу тихо и эффективно.

– Следим за Самидой. Каждый ее шаг, каждое слово – мне на стол, – распорядился я. Мои ребята кивнули. Давно надо было работать с внешним штатом сотрудников из охраны и собственной службы безопасности.

Техника? Последние разработки. Ничего такого, что можно купить в обычном магазине. Камеры настолько малы, что их не заметит даже профессионал. Плюс прослушка – должен знать каждый ее шепот, каждый вздох.

План? Железный. Она пошевелит мизинцем – я буду знать. Самида любит играть? Ну что ж, посмотрим, как ей понравится, когда игра обернется против нее.

"Пора начинать," – сказал я себе, когда все было готово. Самида не знает, с кем связалась. Она думает, что может манипулировать всеми, что может вот так обвести меня вокруг пальца. Сука, которую я называл матерью. Убийца Азии. Пусть не своими руками, но убийца!

Пора кончать с этой игрой. Самида думает, что она умнее всех? Посмотрим, как она выкрутится.

Видеокамеры, жучки для прослушки, GPS-трекеры – использовал всё, что могло помочь мне узнать правду.

Разработал план действий, каждый шаг продуман до мелочей. Мои люди знали, что от них требуется. "Не дайте ей и шанса на новые интриги. Я хочу знать все: с кем она встречается, о чем говорит, куда ходит, а также полностью знать все ее передвижения день за днем на год назад" – давал последние указания.

Это было больше, чем слежка. Это была моя личная миссия – разоблачить Самиду. Я не собирался останавливаться, пока не докопаюсь до сути.

– Ведем ее. Едет к дому Умара.

Умар... брат Али. Что ей там нужно? Откуда она его знает? Считанные минуты, и я уже там. Вместе с моими ребятами наблюдаю за домом на экране. Мы слышим звук... на одежде Самиды есть жучок.

"Что эта змея замышляет на этот раз?" – думал я, когда увидел, как Самида входит в дом Умара.

Каждый их жест, каждый шаг заставлял мою голову работать на пределе, пытаюсь уловить смысл их встречи. "Зачем Самида здесь? Что соединяет ее с Умаром?" – вопросы кружили в моем сознании, как вихрь.

– Тебе пора уехать, Умар.

– Это не входило в наши планы.

– Теперь входит. Сколько денег нужно, ты получишь, и чтоб завтра тебя здесь не было.

– У меня здесь дом и работа. Как я все оставлю?

– Хочешь жить – оставишь. Здесь на первое время. Потом будет еще. Уезжай, не то кончишь, как Али.

Я все это слышу и чувствую себя слепцом, чувствую себя глухим. Как будто я глубокий инвалид в вакууме. И этот вакуум засасывает меня в черную бездну чудовищной правды.

А потом мой взгляд застыл на Умаре. "Али... его брат... тот самый Али, который... с которым Вика, отец ребенка. Какая игра здесь ведется? Что эти двое планируют?" – я чувствовал, как недоверие и гнев растут во мне с каждой секундой. Решение допросить Умара после

ухода Самиды становилось все более мощным. Из него вытянут правду вместе с его кишками, если будет молчать.

– Я узнаю правду, – прошептал я себе под нос. Сука...во что еще ты замешана. Что за дьявольская паутина. Откуда она началась и где заканчивается. Как ты меня так опутала, Самида...

Как только Самида скрылась за углом, я подал знак своим людям. Мои парни были как тени. Они мгновенно окружили Умара, едва он вышел на порог. Не давая ему и шанса на сопротивление, мы утащили его на заброшенный склад на окраине города. Место было мрачным и пустым, идеальным для серьезных разговоров.

Умар заговорил не сразу. Пришлось отрезать ему палец на ноге и привязать вниз головой над чаном с кипятком. Тогда он стал более разговорчивым.

– Что она у тебя делала? Почему советует уехать и дает деньги?

– Она заплатила Али...чтобы он скомпрометировал...вашу жену.

– Что это значит? Говори! Они были любовниками?

– Нет! Не были! Никогда не были! Даже не общались!

Он сказал, а мне словно в грудь выстрелили. Я буквально ощутил, как разворотило грудную клетку. Поморщился от боли, выдыхая и чувствуя, как дерет пересохшее горло.

– Что значит не общались?

– Так за покупками всегда ходила с Азизой, та с Али разговаривала, а ваша жена молчала, как и положено. Самида платила мне за молчание. Нам.

Твою маааать! Твою, гребаную. Мать. Мне не просто плохо, меня прошибает холодным потом. Я стою перед ним и не чувствую ступней своих ног.

Слова Умара резали слух, каждое из них – как удар ножом по моей душе. Его голос дрожал, но я видел в его глазах правду. Самида... Она всё это время водила меня за нос, раскручивала свои интриги, а я плясал под её дудку. Я почувствовал, как внутри всё кипит от ярости. Она использовала братьев, как и многих других, чтобы ткать свою сеть лжи вокруг меня, вокруг Вики. Мои кулаки сжимались все сильнее, когда он рассказывал о её манипуляциях, о том, как она пришла к ним впервые.

Я едва сдерживал себя, чтобы не взорваться на месте. "Хватит," – отрезал я, когда Умар начал было еще что-то говорить. Мне было достаточно. Я узнал то, что нужно. С мрачным выражением я отвернулся, оставив его висеть над чаном.

Воздух казался тяжелым, насыщенным предстоящей бурей. Я знал, что мой мир уже никогда не будет прежним. Меня вывернуло...меня просто искорежило, и я весь словно кро-воточил.

Умар не остановился.

– Я общался с Азимом, мы переписывались, – его слова были тяжелы, как будто каждое из них давило на него грузом. – Он... он часто жаловался. Говорил, что между ним и его женой нет ничего. Никаких отношений, Ахмад. Совсем. Что она ненавидит его...что она так и не стала ему женой! Никогда!

– Никогда? – заорал я и схватил его за волосы приподнимая вверх. – Как это – никогда? – меня всего трясло. Зуб на зуб не попадал.

– Он говорил, что это всё из-за Самиды. Что она что-то задумала... Использует его в своих играх, а его жена, что она его не любит и никогда не полюбит... – продолжал Умар, а я чувствовал, как в моем животе растет холодный комок. Моё сердце стучало все громче, словно пытаюсь вырваться из груди.

– Что еще ты знаешь? – мой голос дрожал от злости и отчаяния. Я нуждался в правде, всей правде, чтобы понять, как далеко зашли эти интриги и что мне теперь делать.

Умар покачал головой.

– Это всё, что я знаю, Ахмад. Прости. Пощади!

Я отпустил его... Наверное, только потому что после того, что он сказал, мне хотелось орать. Я орал. Просто беззвучно. Я орал всем своим существом. Я рвал глотку молча...

"Это твой конец, Самада," – прошипел я, заводя машину. Я был полон решимости разобраться в этом хаосе и восстановить справедливость. Неважно, какой ценой.

Просматривая страницы дневника Лами, мои глаза снова и снова останавливались на одном имени – Окси. "Проклятая проститутка Окси больше мне не соперница," – эти слова Лами эхом отзывались в моем сознании. Самада... Что же она сделала с этой женщиной? Я вспомнил, как внезапно пропала Оксана, моя верная любовница, которая многое терпела от меня.

Моё решение было мгновенным. "Найдите Окси," – приказал я своим людям, чувствуя, как каждая клетка моего тела напрягается от предвкушения новых открытий. Что еще скрывается за стенами нашего дома, за этими лицемерными улыбками Самады? Куда еще она протянула свои паучьи лапы?

Когда мои люди вернулись с новостями, моё сердце замерло. Они нашли ее. Окси. Женщина, лицо которой было обезображено до неузнаваемости, еле держалась на грани жизни и смерти. Я почувствовал, как моя кровь стынет в жилах, увидев её такой.

Стоя перед ней, я едва узнал человека в этом изуродованном теле. "Что с тобой сделали, Окси?" – хотел спросить я, но слова застряли в горле. В её глазах я увидел бесконечную боль и страдание, которые не могли быть выражены словами.

Она с трудом дышала, каждый ее вздох был наполнен мукой. Я чувствовал, как внутри меня всё сжимается от ярости и отвращения к тому, что могла сделать Самада. "Как это могло произойти? За что?" – мои мысли кружили в бешеном вихре, ища ответы. Но их не было.

Сидя рядом с Окси, я понял, что это новый уровень зла, на который способна Самада. Моё желание разоблачить её и заставить ответить за все её преступления только усилилось.

– Я обещаю, Окси, тот, кто это сделал, будет наказан, – прошептал я, даже не зная, слышит ли она меня. – Назови мне имя? Скажи за что? Я хочу знать!

Когда Окси протянула мне лист, на котором было написано лишь одно имя – Самада, и рядом нарисован кружок с глазом внутри, я сначала ничего не понял. "Что это должно значить?" – промелькнуло у меня в голове, когда я вглядывался в нарисованный символ.

Но потом, медленно, словно туман рассеивался перед моими глазами, я начал понимать. Этот глаз... Самада следила за нами. Она видела каждую нашу встречу с Окси. Наш секс... вот что означает дырка и глаз... и взгляд Окси, полный отвращения.

ТВОЮ Ж МАТЬ! ГРЕБАНАЯ БОЛЬНАЯ ШАВКА! – хотелось крикнуть, но слова застряли в горле.

Отвращение и ужас захлестнули меня с новой силой, когда осознание заставило кровь вскипеть и броситься в лицо, а потом отхлынуть. Меня вырвало прямо там, рядом с Окси, которая смотрела на меня своими больными, исполненными страдания глазами. Это было как удар ниже пояса, от которого теряешь дыхание.

Шатаясь, я вышел на улицу, искал опору, чтобы хоть как-то удержаться на ногах. "Позаботьтесь о ней. Перевезите в лучшую клинику в столице и дайте ей всё, что ей нужно," – еле выдавил я своим людям, указывая на Окси. Мои руки дрожали, как и весь я. По моей спине ручьями тек холодный пот.

Когда я сел в машину, водитель посмотрел на меня с недоумением, но я только махнул рукой: "В клинику."

Мы ехали, а я не мог избавиться от воспоминаний о Самиде, её взглядах, её объятиях... Всё это теперь казалось таким фальшивым и отталкивающим. С иным смыслом. От которого кровь стыла в жилах.

Я не выдержал. Приказал остановить машину и выскочил наружу, где меня снова вырвало. Тело содрогалось от отвращения, а душа – от предательства, которое было совершено против меня, против Вики, против всей моей семьи.

Когда я вернулся в машину, лицо мое было бледным, а глаза – пусты. "Продолжайте," – прохрипел я водителю, и мы снова тронулись в путь. В этот момент я клялся, что Самида ответит за всё. Ее смерть будет страшной! А она умрет...она непременно умрет!

Глава 5

Этот врач... он знал правду. Правду о Самиде, о ее чертовых играх за моей спиной. Я не мог этого простить. Не мог допустить, чтобы она продолжала свои манипуляции, уничтожая жизни, как будто это была всего лишь игра. Тварь. Мразота. У меня в голове не укладывалось как вообще. Как, мать ее! КАК?! Но это были только цветочки... Я многого, оказывается, не знал вообще. Слепец, котенок, которого тыкали мордой в грязь, а он думал, что это сметана.

– Заберем врача, – приказал я, голос мой был жестким, не терпящим возражений. – Ночью. Без шума. Мы должны его вытащить, прежде чем кто-то что-либо заподозрит, – продолжал я, строя план мести, план того, как мне немного объяснят историю с кровосмешением. Я очень хорошо помню те дни после изнасилования, когда Алена лежала в больнице, а докторишка убеждал меня, что у нее есть куча повреждений. Сегодня повреждения будут у него самого. Никаких следов, никаких улик. Если Самид думала, что она может играть со мной, она жестоко ошибалась. А точнее, она уже наигралась. Теперь играть буду я.

Я чувствовал, как внутри меня все кипит от гнева, от адской жажды самой кровавой мести. Этот врач явно прятал за пазухой ключи к многим дверям, закрытым для меня до сих пор. И я был готов на все, чтобы их открыть.

План был готов. Мы знали, что делать. Эта ночь станет решающей в борьбе против Самиды и ее козней. Я не остановлюсь, пока не узнаю всю правду. Пока не смогу смотреть в зеркало, не чувствуя вины за то, что позволил всему этому случиться.

Как только стемнело, мы уже были на месте. Мои люди, как тени, скользнули внутрь, не давая камерам безопасности и охране и шанса нас заметить.

– Быстро, тихо, – прошипел я, когда мы подкрадывались к его кабинету. Мы знали его расписание, знали, когда он будет один. Все было продумано до мелочей. Дверь кабинета легко поддалась, и мы ворвались внутрь. Удивление и дикий страх в глазах врача, когда он увидел меня, были ответом на мои подозрения. Ублюдку точно есть, что скрывать и чего бояться.

– Ты пойдешь с нами, – грубо произнес я, когда двое моих людей схватили его за руки и заломили их за спину. Все произошло быстро. Он пытался сопротивляться, но был не в силах противостоять нам. Мы вытащили его на улицу, бросили в машину и уехали, прежде чем кто-то из персонала клиники успел понять, что произошло.

Я молчал. Врач изредка пытался умолять отпустить его, давил на жалость, говорил о жене и детях, но его плаксивый голос только раздражал меня. "Молчи," – рявкал я каждый раз, когда он начинал свое мерзкое нытье. Противный слизняк. Трусливая, продажная тварь точно что-то скрывала.

Мы привезли его туда, где обычно разбирались с подобного рода швалью. Здесь он будет говорить. Здесь он раскроет все карты Самиды. Я посмотрел на него, видя в его глазах страх и отчаяние.

– Начнем, – произнес я, когда мы ввели его в заброшенное здание, где его ждал допрос. Сегодня ночью я узнаю правду. Любой ценой. Для того, чтобы он долго не тянул с ответами, мы ему помогли и отрезали одно ухо. Он выл и орал как резанный кабан. Мои люди подвесили его на крюк за вывернутые вверх руки.

В заброшенном помещении, где каждый шорох звучал как приговор, я стоял перед врачом, чье лицо искажал дикий, первобытный страх.

– Говори, – его глаза встретились с моими, и я видел в них панику. – Что она тебе приказывала делать?

Он колебался, губы его дрожали.

– Я... я не могу... – начал он, но его слова прервал мой холодный взгляд.

– Ты можешь и будешь, иначе останешься без второго уха! – мой голос был железным. Я наступал ближе, и он понимал, что уйти от ответов ему не удастся.

– Она... она заставляла меня делать вещи... Неправильные вещи, – наконец вырвалось у него.

– Какие вещи? – мое терпение на исходе. Я чувствовал, как адреналин бурлит в моих венах. Этот врач держал ключ к разгадке, и я должен был его получить.

– Искусственное оплодотворение, – его голос дрожал. – Она планировала все... с использованием вашего... вашего генетического материала.

Мое сердце на мгновение остановилось.

– Что ты сказал? – мои кулаки сжались так сильно, что костяшки побелели.

– Она хотела ребенка... вашего ребенка. И использовала других женщин для этого... Ваша вторая жена... и Алена... – он говорил, а я чувствовал, как моя душа тонет в отчаянии. Меня беспощадно затошнило, но ярость была сильнее. Холодный пот выступил по спине. Я пошатнулся, как будто меня ударили в солнечное сплетение.

– Как долго это продолжалось? – я едва узнавал свой голос, насколько он был наполнен яростью и болью.

– Годы, – простонал он, по его лицу стекала кровь и попадала ему в рот, он плевался и дергался от ужаса. – Я не мог отказаться... Она угрожала мне.

Я отошел назад, чувствуя, как мир вокруг меня рушится. Самада... Как мне не хватило ума увидеть это раньше? Как я мог допустить, чтобы она так далеко зашла?

– А ты не думал о том, что сделаю с тобой я, когда узнаю? – прошептал я, повернувшись к врачу. Он сломлен и испуган, но его страх ничто по сравнению с тем, что теперь чувствовал я.

– Сколько раз? – мой голос был почти шепотом, я не мог говорить, мое горло горело огнем.

Врач смотрел на меня, и его глаза были полны слез.

– Много... Много раз, Ахмад. Она была одержима идеей иметь ребенка от вас. Вашего ребенка, который бы принадлежал только ей. Были неудачи, были выкидыши... эмбрионы не приживались.

Я с трудом воспринимал его слова. Это звучало как самый страшный кошмар.

– Аят и Асия? – едва слышно спросил я.

– Да, близняшки... Это плоды искусственного оплодотворения... Это ваши дети и Самиды...ч

Мир вокруг меня закачался, будто я стоял на краю пропасти.

– И Алена? – слова застревали в горле.

– И Алена тоже... Она была всего лишь сосудом. Самада убедила ее, что это будет ваш ребенок. Но Алена... она никогда не знала правды.

Я почувствовал, как ноги подкашиваются. Все, во что я верил, все, чем я дорожил... это было ложью. Отравление моей первой жены, то, что из нее делали сумасшедшую и прятали в больницу... а в это время над ней проводили опыты, отношения с Аленой, беременность... Все это было частью жестокой игры Самады.

– Почему? – это был единственный вопрос, который я мог сформулировать сквозь бурю эмоций, бушующих во мне.

– Она... она хотела власти, Ахмад. Хотела контролировать все. В том числе и вас. Ребенок от вас... это был ее способ укрепить свои позиции, – врач говорил, и каждое его слово было как удар ножом. – она...она любила вас, как мужчину... как не жутко это говорить.

Я стоял там, сломленный, пытаюсь собрать воедино обломки своей жизни. Самада... Что я сделаю с тобой, Самада? Этот вопрос эхом звучал в моей голове, глядя на врача и слушая его ужасающие откровения.

– Стой, что ты только что сказал? – я не верил, я все еще ни во что не верил. Картинка не складывалась. У меня адски болела голова. Она раскалывалась, и по мне градом катился холодный пот.

– Слепота близняшек... это не от отравления. Это генетическая мутация, – врач смотрел на меня с сожалением, словно каждое его слово было тяжелым камнем. Он бросал эти камни в меня, и я истекал кровью.

– Генетическая мутация? – я повторил, чувствуя, как мой разум отказывается принимать эту информацию.

– Да, Ахмад. Ваши гены...Кровосмешение. Когда Самада использовала ваши генетические материалы... она не учитывала риски. Риски для ребенка, – его голос дрожал, словно он адски боялся моей реакции. Не зря боялся, потому что он даже не представляет, что я с ним сделаю.

Мои руки сжались в кулаки.

– Ты реально хочешь сказать, что Аят и Асия ЕЕ дети? Мои и ЕЕ?

Врач кивнул, и я почувствовал, как омерзение и гнев во мне нарастает с каждой секундой.

– Я очень сожалею, Ахмад. Я... я не знал, как вам это сказать. Самада... она угрожала моей семье, – он посмотрел на меня, и я увидел в его глазах только животный страх.

– А еще и платила, да? Очень хорошо платила! Моими деньгами! Отрежьте ему руки, ноги, член и закопайте падлу живьем прямо здесь.

– Нет! Ахмад! Нееет! У меня пятеро детей! У меня...

– Самада обеспечила твою семью на несколько жизней вперед!

Сердцебиение участилось, когда я переступила порог кабинета доктора Владиславы Владимировны Устиновой. Свет в комнате был приглушённый, и большой монитор УЗИ занимал центральное место среди медицинского оборудования. Доктор Устинова улыбнулась мне, её взгляд излучал тепло и профессионализм.

– Здравствуйте, Вика. Как вы себя чувствуете? – её голос был спокойным и дружелюбным.

– Немного нервничаю, – призналась я, улыбаясь в ответ и забираясь на процедурный стол.

Доктор Устинова аккуратно подняла край моей рубашки, нанеся холодный гель на живот. Следующие минуты были полны ожидания, пока ультразвуковой датчик плавно скользил по коже, в поисках чёткого изображения малыша внутри меня.

– Вот, посмотрите, – доктор указала на монитор, где мелькали образы. Мое сердце пропустило удар, когда я увидела маленького человечка, который так активно двигался в моём животе.

– Как он? – невольно вырвалось у меня, а мои глаза словно прикованные к экрану.

– Всё отлично, Вика. Малыш развивается в соответствии со сроком, – доктор улыбнулась, переходя к другим измерениям, проверяя здоровье моего будущего малыша.

И тут она сказала то, что заставило мое сердце запеть от счастья:

– Поздравляю, у вас будет мальчик. Второй сын... Говорят, сыновья рождаются только у сильных женщин... но тех, которых нужно защищать.

Мальчик... Эти слова эхом отзывались в моей душе. Слезы радости непроизвольно навернулись на мои глаза. Ещё один мальчик, ещё одна жизнь, которую я обещала оберегать всем сердцем.

– Спасибо, – еле слышно прошептала я, не в силах отвести взгляд от экрана, где мой маленький сын продолжал свои первые танцы, не зная, как много радости он уже принёс в мою жизнь.

После визита к доктору, мир казался мне другим, наполненным новыми красками и ожиданием чуда. Вернувшись домой, я обнаружила Оксану, уже приступившую к подготовке дет-

ской комнаты. Следом за мной в дверях появилась и она, вооружённая каталогами мебели и улыбкой до ушей.

– Вика, представляешь, сколько всего нам нужно подготовить! – воскликнула Оксана, разворачивая передо мной страницы с разнообразными кроватками и комодами.

Мы вместе погрузились в мир детских товаров, выбирая идеальную кроватку для моего малыша. Я коснулась живота, представляя, как мой новорожденный сын будет спать в ней, покрытый мягким одеялом, которое я уже успела купить.

– Они будут такими друзьями, – размышляла я вслух, глядя на Сашу, играющего со своими игрушками в уголке комнаты. – Мои мальчики... как они будут играть вместе, смеяться...

Оксана положила руку мне на плечо:

– Ты будешь замечательной мамой для них обоих, Вика. Твоя любовь и забота сделают их счастливыми. А моя тетя навяжет им кучу носков и пинеток. Это она любит делать.

Мы провели весь день, украшая комнату, выбирая обои с забавными мультяшными персонажами и мягкий коврик, на котором мои сыновья будут играть. Вечером, уставшие, но довольные проделанной работой, мы устроились на диване с чашками ароматного чая.

– Представляешь, Оксана, как это будет... Мои малыши вместе. Это будет новая глава в нашей жизни, – я улыбнулась, ощущая тепло от мысли о своей растущей семье.

– Ты справишься. Я бы сомневалась в ком угодно, но не в тебе. И... присмотришься к Мухаммаду. Ты ему очень нравишься.

– Ксюш... нет, давай не будем об этом. Только не босс.

– А что? Какая разница?

– Он женат кроме всего прочего!

– Пыф, ему можно иметь несколько жен. Да и зачем свадьба. Можно жить припеваючи и без нее.

– Я не хочу. Мне не нужны больше никакие отношения.

– Ну это пока... а потом мальчикам все же нужен будет отец.

– Женатый мужик?

– Ну кто знает, как все повернется. Ладно, я побежала. Мне сегодня нужно три сайта оформить. Да и у тебя есть проект.

Пока я укладывала Сашу спать, разглядывая его личико, в моём сердце зрела надежда. Надежда на то, что, несмотря на все трудности прошлого, будущее обещает быть ярким и полным любви.

Сидя за своим рабочим столом, я приступила к переводу статьи для одного из клиентов. Это был арабский сайт, и я уже почти привыкла к тому, как звучит этот язык, как он пляшет перед моими глазами, превращаясь в понятные слова и предложения.

Но вдруг, пролистывая страницу за страницей, я остановилась, застыв в недоумении и шоке. На экране передо мной было изображение Ахмада. Он стоял на каком-то мероприятии, в окружении других людей, его взгляд был устремлен куда-то вдаль, полный решимости и силы. Ахмад выглядел невероятно красиво, элегантно одетый в традиционный белый кандуру с роскошной вышивкой, которая лишь подчеркивала его статус.

Но самое главное – на этом изображении не было видно его шрама. Он стоял так, что этот след прошлого скрывался от глаз, оставляя только образ сильного, внушительного мужчины, обладателя негибимой воли. В его чертах было что-то завораживающее, магнетическое, что всегда тянуло меня к нему, несмотря на всю боль и обиду, которые я испытывала.

В тот момент моё сердце наполнилось невыносимой болью, и я почувствовала, как слезы начали неудержимо катиться по моим щекам. Я не могла отвести взгляд от его изображения, каждая деталь которого напоминала о том, что было между нами.

Глава 6

Свет в родильном зале был довольно ярким и бил по глазам. Моя душа была полна смешанных чувств: волнения, которое переплеталось с неожиданной радостью. С каждой минутой мое волнение усиливалось, а сердце бешено колотилось в предвкушении чуда.

Роды начались рано утром и, несмотря на все мои страхи и беспокойство, процесс прошел удивительно гладко. В этом я была обязана исключительной поддержке и профессионализму медицинского персонала частной клиники, в которую меня оформили при содействии Мухаммада. Акушерка с доброй улыбкой держала меня за руку, говорила слова поддержки, направляла меня. Схватки были сильными и болючими, но мне сделали эпидуральную анестезию, и боль отступила, стала менее интенсивной.

– Какая умничка, давай тужься! – говорила врач, надавливая мне на колени, приподнимая мои ноги, акушерка держала меня за затылок, помогая тужиться. – Я вижу головку малыша. Давай... Дыши... дыши... побольше воздуха и выдавливай его. Вот умница. ДААААА. Вот он наш чудесный мальчишка. Давай кричи.

Я услышала громкий, сердитый плач младенца и зарыдала.

Когда я в первый раз взяла своего сына на руки, время, казалось, остановилось. Малыш смотрел на меня широко раскрытыми глазами, в которых я увидела отражение лица Ахмада. Эти черты... такие знакомые и такие дорогие мне когда-то. Его широкий лоб, форма глаз, даже маленький носик – все напоминало о его отце.

Сердце наполнилось любовью и теплом, но и болью одновременно. Это было чувство непередаваемой радости от того, что я держу на руках частичку Ахмада, и горечью от осознания всего того, что произошло между нами. Я прижимала малыша к груди, боясь поверить, что он действительно мой, что я снова мать.

Моя душа была разорвана между прошлым и настоящим, между болезненными воспоминаниями и новой, только что родившейся надеждой. В этот момент я поняла, что независимо от всего, этот маленький человек в моих руках — это мое будущее, и я сделаю все возможное, чтобы он вырос счастливым. Он и мой Сашенька.

– Прекрасный здоровый малыш, я тебя поздравляю. Ты умница. Карапузище три девятьсот. Апгар девять. А теперь им займутся врачи, а я займусь тобой... Не бойся, разрывов нет. Все хорошо.

Я сидела рядом с кувезом малыша, не спуская глаз. Мои руки, хоть и уставшие, были готовы в любую секунду обнять его, защитить. Сердце мое наполнялось тревогой при каждом его вздохе, при каждом шорохе в комнате. Воспоминания о моем первом сыне, которого я потеряла в первые же дни, хаотично металась в голове, заставляя меня бояться повторения той ужасной потери. "Не дай Бог, если кто-то попытается забрать и этого малыша," – думала я, обхватывая колени руками и глядя на его спокойное дыхание.

С каждым часом, проведенным рядом с ним, я все больше привязывалась к маленькому существу в кроватке. Его мирное существование, каждая маленькая улыбка во сне крепко связывали меня с ним. Эта связь, нежная и непостижимая, казалась мне чудом, которое я боялась разрушить даже самой маленькой ошибкой. Мысли о счастье материнства постоянно смешивались с тенью прошлого. Как могла я быть полностью счастлива, зная, что когда-то мой первый сын мог нуждаться во мне? Мои внутренние монологи порой доходили до абсурда, где я винила себя во всех смертных грехах, осуждая за то, что могу радоваться одному ребенку, потеряв другого.

"Как мать, я должна была защитить его," – повторяла я себе, глядя на спящего младенца. "И я защищу этого, защищу Сашу, чего бы мне это не стоило." Эти мысли придавали мне

силы, но и в то же время напоминали о боли, которую я несу в своем сердце. Я знала, что мне придется жить с этой утратой, и ничто не уймёт эту боль никогда, придется жить с радостью и горем, которые теперь были моими постоянными спутниками.

В глубине души я молилась, чтобы мой новорожденный сын никогда не испытал того ужаса и одиночества, которые пережил его брат. И каждую ночь, укладывая его спать, я обещала ему, что буду его щитом от всех бед.

Пока я сидела на стуле у прозрачной кровати, тихо наслаждаясь мирным сном моего новорожденного сына, неожиданно мой телефон вибрировал на столике рядом. На экране появилось SMS-сообщение, которое мгновенно заставило мое сердце замереть: "Ваш груз из-за границы прибыл. Ожидает вас по адресу..."

В этот момент, казалось, вся комната потеряла цвета, и в груди разлилась колющая, раздирающая боль. Я чувствовала, как каждый удар сердца словно ломает мне ребра — это могли быть останки моего первого сына. Останки, которые Ахмад отправил, как последнее напоминание о нашем общем прошлом... об общем горе. Хотя оно не было общим. Он так и не поверил, что это был его сын. Он провел какие-то там проверки... А может, просто отказался от меня и своего сына. Да и зачем ему теперь кто-то нужен, Алена родила ему ребенка.

Подняв телефон, я перечитала сообщение еще раз, надеясь, что ошиблась. Но слова остались теми же. Слезы покатались по щекам, мешая видеть буквы на экране. В голове началась внутренняя борьба: с одной стороны, я знала, что мне нужно принять этот груз, дать моему первому малышу последний покой.

С другой стороны, каждая клеточка моего тела сопротивлялась этой мысли. Принять груз — значило окончательно признать, что он ушел навсегда. Это было как переживать его утрату заново, с той же острой болью, что раздирает душу.

"Я должна это сделать," — твердо сказала я себе между всхлипываниями. "Я должна для него... для нас обоих." Это будет прощание, которое я не смогла ему дать. Прощание с частью своей души, которую я потеряла вместе с ним той ужасной ночью.

Нужно было всё подготовить к его последнему пути. Сделать так, чтобы хотя бы его место упокоения было наполнено миром и любовью, которых он так и не познал в своей короткой жизни. Я собиралась лично позаботиться о том, чтобы место его последнего сна было ухоженным, местом, где всегда цветут цветы, и где нет места грусти.

За окном медленно опускалась ночь, но здесь, в тепле больничной палаты, витало ощущение защищенности и спокойствия. Я сидела в удобном кресле, кормя младшего сына, чувствуя, как его маленькие ручки иногда касаются меня в поисках поддержки и тепла.

Каждый глоток молозива, который он делал, казался мне маленьким чудом. Это было наше время — время, когда мир вокруг переставал существовать, и оставались только мы с ним. Его мягкое дыхание, ритмичное и успокаивающее, помогало мне забыть о буре эмоций, которая еще недавно казалась непреодолимой.

С каждым его глотком я чувствовала, как напряжение покидает мое тело, как уходит тревога, оставляя после себя только умиротворение и глубокое чувство благодарности. Я знала, что скоро мне предстоит пройти через еще одно испытание — последнее прощание с первым сыном. Но в этот момент, смотря на спокойное лицо младшего, я понимала, что смогу это вынести. Я найду в себе силы не только для себя, но и для него.

"Ты никогда не будешь один, мой маленький," — тихо шептала я, нежно касаясь его щеки. "Я всегда буду рядом. Ты и твой еще один брат Сашенька — мои звезды, мои маленькие кусочки счастья. Несмотря на все, что произошло, я счастлива, что вы у меня есть."

Грусть в моем сердце медленно уступала место теплу и надежде. С каждым днем, проведенным вместе с младшим сыном, я все больше училась принимать прошлое. Я знала, что, когда старший сын обретет покой, в моей душе наконец наступит спокойствие. А пока я хотела

наслаждаться каждым мгновением, проведенным здесь и сейчас, дышать настоящим и жить ради будущего моих детей. На третий день прибыло молоко, и я кормила маленького, который оказался еще тем обжоркой, сидя в удобном кресле.

Мое сердце замерло, когда я увидела новое сообщение на экране телефона. Слова, холодные и безличные, как если бы они были набраны кем-то, кто никогда не испытывал боль утраты: "Мне жаль твоего сына. Надеюсь, теперь ты успокоишься и найдешь свое счастье". Несмотря на их простоту, каждое слово вгрызалось в мою душу, вызывая смешанные чувства горечи и облегчения.

Это было сообщение от Ахмада. Ему даже не нужно было представляться. Как он мог так думать? Как мог думать, что его сочувствие что-то значит для меня после всего, что произошло? Я почувствовала, как по щекам снова потекли слезы, каждая из которых была наполнена не столько горем, сколько яростью и разочарованием. Но он больше не сломает меня.

Я взглянула на своего новорожденного сына, который спал мирно, завернутый в плюшевое голубое одеяло. Его маленькие, крепко сжатые кулачки напоминали мне, что я должна быть сильной не только для себя, но и для него, и для Саши. В его крошечном лице я видела Ахмада, но в то же время он был так непохож на отца. Он был моим малышом.

"Ты будешь моим маленьким Мишкой, Саша и Миша, мои сыновья" — шептала я, нежно поглаживая его по головке. Теплота его тела успокаивала меня, напоминая, что передо мной — новая жизнь, которая нуждалась в моей любви и защите. Я отбросила телефон подальше, не желая больше думать о прошлом, которое старалось вломиться в моё настоящее. С Ахмадом все было покончено, и я не собиралась разрешать ему или его словам влиять на меня или моего сына.

Я напевала колыбельную пока качала Мишу, и мои мысли постепенно успокаивались, оставляя после себя только чувство безумной любви к этому маленькому человечку, который так сладко спал у меня на руках. Мир перестал существовать вне этой комнаты, и я знала, что независимо от всего, мы с Мишей и Сашей будем вместе и будем счастливы. БЕЗ АХМАДА ИБН БЕЯ! Он умер для меня!

Глава 7

С трудом веря, что уже пришло время возвращаться домой, я аккуратно складываю свои вещи и детские пеленки в сумку. В родильном доме я провела последние несколько дней, и каждый момент здесь наполнил меня новыми чувствами и опытом. Сейчас же, готовясь к выходу, я чувствую волнение и радость одновременно. Ничего не случилось. Мой мальчик со мной. Теперь мое счастье было полным.

Мой новорожденный сын, укутанный в мягкое голубое одеяло, спит в своей маленькой кроватке на колесиках, которую медсестра подготовила для нас. Его тихое дыхание и мирное лицо придают мне силы. Наблюдая за ним, я вновь и вновь удивляюсь, как сильно он похож на своего отца, и это воспоминание заставляет мое сердце замирать от сладкой боли. Я перекладываю последние вещи, проверяю, не забыла ли я что-то важное. Пеленки, детские салфетки, несколько комплектов одежды для малыша, все нужные документы. Все должно быть идеально для этого первого важного путешествия моего сына домой.

В этот момент я ощущаю, что начинается новая глава моей жизни. Глава, полная надежд и опасений, новых вызовов и бесконечной любви к этому маленькому человечку, который так неожиданно ворвался в мою жизнь, принес с собой свет. Мои два мальчика. Теперь я точно понимала, как сильно любишь обоих своих детей... Как материнское сердце может делиться на части, и в нем хватит места для каждого ребенка.

Когда я заканчивала укладывать последние вещи, в дверь палаты постучали. В ответ на мой приглушённый «войдите» дверь отворилась, и на пороге появились Оксана и Вера Ивановна. Они были во всеоружии: в их руках были огромные букеты цветов и подарочные пакеты, наполненные чем-то объемным и ярким.

— Сюрприз! — воскликнула Оксана с лучезарной улыбкой, шагая вперёд и осторожно ставя на столик у кровати корзину с фруктами и набором для новорожденного.

Вера Ивановна последовала за ней, мягко улыбаясь и протягивая мне большой букет моих любимых роз.

— Для тебя и маленького чуда, — сказала она, и в её глазах я увидела заботу и радость.

Прежде чем я успела полностью осознать этот момент, дверь снова распахнулась, и в палату вошли мои коллеги вместе с новым боссом — Мухаммадом аль Зааби. Это было полной неожиданностью; я не предполагала, что они появятся здесь, в такой личный момент. Хорошо, что я уже успела одеться и расчесаться. Не то встретила бы их в больничном халате. При Мухаммаде в халате ходить не хотелось.

— Поздравляем, Вика! — звучали голоса моих коллег, и комната наполнилась дружелюбным смехом и добрыми словами. Мухаммад подошёл последним, в руках его был маленький плюшевый мишка и конверт.

— Мы не могли пропустить такое событие, — сказал он, протягивая мне игрушку и свернутую бумагу. Его взгляд был полон искренней радости и некоторой неловкости, возможно, из-за неформальной обстановки встречи.

— Здесь премиальные. Надеюсь, хватит на самое лучшее приданное для младенца.

Я чувствовала себя ошеломлённой, но в то же время невероятно признательной за такое внимание и поддержку. В этот момент, казалось, весь мир собрался в моей скромной родильной палате, чтобы поздравить меня с новой жизнью, которая только начиналась.

Когда пришло время покидать роддом, я подошла к стойке администратора, держа на руках своего новорожденного сына, завернутого в легкое одеяло. Оксана держала Сашу за ручку, нежно поддерживая его во время этого волнующего момента. Медсестра подала мне последние документы на подпись, её лицо светилось улыбкой.

– Поздравляем ещё раз, Виктория. Всего вам наилучшего, — сказала она, протягивая мне пакет документов.

Проходя мимо ресепшн, нас окружали мои друзья и коллеги. Все хотели взглянуть на малыша, все говорили теплые слова, что создавало атмосферу праздника. Я чувствовала себя переполненной эмоциями — от счастья до легкой тревоги о том, что вот-вот начнется новый этап в моей жизни.

Добравшись до дома, меня ожидал ещё один сюрприз. Оксана, племянница Веры Ивановны, вместе с Верой организовали настоящий банкет. В гостиной стоял длинный стол, уставленный блюдами: свежие фрукты, салаты, закуски и изысканные десерты. В углу комнаты возвышался впечатляющий торт с двумя ярусами, украшенный фигурками медведей.

– Мы решили немного порадовать тебя, Вика, — улыбнулась Оксана, видя моё удивление. — Ты заслуживаешь самого лучшего! Ты только наслаждаешься и уходишь к себе в комнату в любой момент! Это просто отметить... очень хотелось. Тебя не обязывает развлекать нас.

Я чувствовала себя ошеломленной и благодарной за такое внимание. После того как мы все вместе вошли в дом, гости начали поздравлять меня, обнимать и желать счастья моему малышу. Саша, мой старший сын, казался таким взволнованным, бегая вокруг и указывая на торт. Этот момент наполнил мой дом теплом и любовью, создавая ощущение, что, несмотря на все испытания, у меня в жизни всё же много прекрасных моментов. Я не пропала, я не исчезла и не сломалась.

Пока гости наслаждались банкетом, я уединилась с Оксаной в моей спальне, чтобы поделиться с ней тем, что так долго волновало меня. Несмотря на радостные события дня, на сердце было тяжело, и избавиться от этой тяжести мне так скоро не удастся. Эта боль навсегда останется со мной.

– Оксана, недавно мне пришло сообщение... — начала я, и мой голос содрогнулся от предвкушаемой боли. Оксана внимательно смотрела на меня, её взгляд был полон сочувствия.

– Что случилось, Вика? Ты можешь мне довериться.

– Это о моем первом сыне... его останки прибыли из-за границы. Скоро их доставят сюда, чтобы я могла... чтобы я могла наконец его похоронить.

Слова вырывались сквозь слезы, а воздух в комнате стал насыщенным грустью.

Оксана встала и обняла меня. Её теплое прикосновение было источником утешения в этот момент.

– Мне так жаль, Вика. Я здесь с тобой, что бы ни случилось. Мы переживем это вместе. Саша и Миша помогут...

– Саша... он мне не родной... я потом. Все расскажу.

– Когда захочешь и сможешь. На тебя никто не давит. Я рядом.

Я кивнула, пытаюсь сдержать слезы, но они беспрепятственно текли по моим щекам.

– Вера Ивановна, я надеюсь, согласится остаться с детьми, пока я... пока я не улажу все похоронные дела. Я даже не знаю, как мне это пережить, но я должна сделать это. Для него. Для моего первого мальчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.